

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
С91

*Составитель серии Андрей Геласимов
Художник Алена Геласимова*

Суханов С.

С91   Тень Химавата. Роман. — М.: ИД «Городец», 2020. — 368 с.
(Серия «Ковчег».)

Про упорного человека говорят, что он может горы свернуть. Все три главных героя романа отличаются завидным упорством в достижении поставленной перед собой цели.

Македонянину Гермею важно вернуть захваченную саками Северную Индию элинам. Индиец Бхима готов изменить вере и покинуть материнский дом ради брахманки Винаты. Иудей Иешуа, претерпев лишения, в награду за упорство обретает бесценные знания и навыки, которые помогают ему найти священные реликвии иудеев.

Древняя Индия встречает читателя буйной природой, сложными до странности, часто зловещими ритуалами, завораживает красотой храмов и дворцов, делает участником невероятных событий, от которых захватывает дух. Война, кровь, любовь и колорит Древнего Востока — все это есть в романе. А еще магия — куда же без нее.

ISBN 978-5-907085-87-9

© С. Суханов, 2020
© ИД «Городец», 2020

Посвящаю Нине Ивановне, доброй саритянке

Чье величие породило эти горы — Химават, те, что покрыты снегом,
Море и земля чьим считаются созданием,
А стороны света — это чьи руки,
Кто тот бог, которого мы должны почитать жертвенным возлиянием?

*Ригведа*¹

---

¹ «Ригведа» — одна из книг «Вед», сборника древнеиндийских гимнов, песнопений и заклинаний.

ПРОЛОГ

Шурпарака², 84-й год эры Викрама, месяц маргаширша³

Солнце стояло в зените, когда темнокожий, почти черный человек спустился со склона хребта Сахьядри и зашел в джунгли. Сразу же яркий солнечный свет сменился сонным полумраком, а напоенный запахом палисандра воздух сделался густым и неподвижным. Казалось, зима сюда еще не добралась, хотя некоторые деревья уже сбросили листву.

Пробираясь сквозь лес, молодой гонд⁴ осторожно раздвигал руками свисающие листья пальм, огибал огромные баньяны, безвольно опустившие побеги к самой земле. Ему чудилось, будто исполины замерли в притворной истоме, чтобы внезапно обвить зазевавшегося путника щупальцами, словно осьминоги.

Он старался не приближаться к деревьям с большим дуплом — вдруг там прячется якша, лесной дух. Под ногами мягко пружинил

---

² Шурпарака — греч. Суппара, древний морской порт на побережье Аравийского моря, совр. индийский город Нала Сопара

³ Эра Викрама — система летоисчисления, связанная с именем легендарного древнеиндийского правителя Викрама (Викрамадитьи), которая начинается с 57 г. до н. э., поэтому 84-й год эры Викрама соответствует 27-му году н. э.; маргаширша — месяц древнеиндийского календаря, соответствует ноябрю-декабрю.

⁴ Гонды — группа древних дравидийских народов Индии, которые говорили на языке гонди.

ковер из опавших листьев, стручки шелковой акации наполняли джунгли таинственным шорохом. С ветвей вечнозеленых нимв свисали гроздья маленьких желтых плодов, расточая в воздухе медвяной аромат.

Чтобы не донимал гнус, пришлось замотать голову куском ткани и закутаться в черный хлопковый рупан⁵, из-под которого виднелся дхоти — доходящий до щиколоток набедренный плавок. Тряпичную торбу он повесил на плечо.

Сезон дождей закончился, но от рыхлой, напитавшейся водой земли все еще поднимался теплый пар.

Наверху, в горах, природа была совсем другой. Из пожухлой травы тянулись голые шершавые стволы хардвикий. Благоухающие эфирными маслами гуггулы отчаянно цеплялись корнями за скалы.

Попробовал бы он так же запросто пересечь заросли хингуна: острые длинные колючки враз изорвут одежду, исцарапают кожу.

А еще на каменистых склонах в изобилии произрастает ладонсная босвелия — небольшое деревце с покрытым сухими чешуйками искривленным стволом и ветвистой кроной. Смола босвелии обладает не таким приятным и стойким ароматом, как смола ладанного дерева из далекого аравийского Хадрамаута, но ее добыча обходится гораздо дешевле покупки привозного олибанума⁶ в портах Бхарукаччи⁷ и Каллиены⁸.

Гонд полгода провел в шалаше на горе Калаубал, собирая драгоценную смолу. Вообще-то он несколько лет строил и чинил в Бхарукачче торговые суда, но с приходом оккупантов морская

---

⁵ Рупан — верхняя мужская накидка-плащ, напоминающая греческий гиматий.

⁶ Олибанум — латинское название ладана (от греч. либанос).

⁷ Бхарукачча — древний морской порт в устье реки Нармада в районе совр. города Бхаруч, который римляне называли «Баригаза».

⁸ Каллиена — древний речной порт на реке Ульхас, совр. город Кальян на западном побережье Индии.

торговля зачахла. Ассакены⁹, захватившие недавно полуостров Саураштра, не любили море. Степняки предпочитали передвигаться на лошадях, груз перевозили в кибитках, а флот использовали только для объезда факторий и патрулирования вдоль берега.

Малабарские купцы, опасаясь грабежей, в первый же сезон дождей увели свои суда из залива вверх по Нармаде к городу Амаркут¹⁰, куда ассакенские орды еще не добрались.

Он решил не возвращаться в Озене¹¹, где жила мать, а ушел на запад. В одной из брахманских¹² деревень неподалеку от Шурпараки ему предложили работу.

Сбор олибанума начался в месяце джештхамулия¹³. Босвелии не растут рощами, поэтому поденщикам пришлось облазить склоны горы. Сначала они сделали на деревьях зарубки: на стволах — топором, на ветках кору срезали ножами до коричневой древесины.

Босвелии плакали крупными слезами, которые сливались в быстро твердеющие мутные ручейки. Под каждым деревом сборщики постелили джутовую циновку, чтобы ни одна капля драгоценной смолы не пропала.

Работали весь сезон дождей с короткими перерывами: то давали ранам затянуться, то снова пускали в ход топоры и ножи. Подсохшие крупинки зеленоватого цвета, словно присыпанные пудрой и похожие на куски тростникового сахара, отковыривали скребками, после чего ссыпали в корзины.

---

⁹ Ассакены — скифское племя, которое наряду с другими племенами ираноязычных кочевников Центральной Азии — саками, дахами, а также частично сарматами — в конце первого тысячелетия до нашей эры вторглось на территорию совр. Ирана, Афганистана и Индии.

¹⁰ Амаркут — совр. Амаркантак.

¹¹ Озене — неизвестный автор «Перипла Эритрейского моря» так называет совр. город Удджайн в штате Мадхья-Прадеш.

¹² Брахманы — 1) сословие жрецов; 2) древние прозаические тексты, в которых трактуются ритуалы, в том числе система жертвоприношений.

¹³ Джештхамулия — месяц древнеиндийского календаря, соответствует маю-июню.

Босвелия дает за сезон столько олибанума, сколько весит среднее манго. Корзины сборщики обычно помещали в выкопанную рядом с шалашом яму, накрывали хворостом и пальмовыми листьями, а затем закидывали землей. Так смоле и дождь не страшен, и вор не украдет собранный урожай, пока ты обходишь свои владения.

Жили на горе, чтобы не попадаться утром брахманам на глаза: не дай бог «дваждырожденный» на рассвете увидит шудру¹⁴. Это считалось дурным знаком, потом никакие мантры из «Ригведы» не помогут — все, день испорчен.

В месяце картина¹⁵, когда на Малабарском побережье прекратились затяжные ливни, сборщики приступили к сортировке добычи. Отборный олибанум — куски светлого оттенка с восковым блеском — брахманы оставили себе для воскурений в храме Вишну.

Мешки из козьей кожи, наполненные темными кусками, они погрузили на телеги и отвезли на базар в Каллиену. Такой олибанум продается в качестве противовоспалительного лекарства, а также как средство для отпугивания злых духов и снятия порчи.

Гонд пребывал в хорошем настроении. Он неплохо заработал, потому что ему удалось пометить много молодых мужских деревьев, которые дают больше всего смолы. Брахманы заплатили за работу столько, сколько обещали — десять серебряных монет, отчеканенных еще при Маурьях.

Во время коротких привалов он доставал из торбы тусклые прямоугольники, любовно поглаживал их, рассматривая клейма:

---

¹⁴ Шудры — одна из четырех варн, или сословий, в Индии. Брахманы, происходившие от ариев, принадлежали к высшей варне господ, а шудры, к которым в том числе причислялось угнетаемое автохтонное население Индии, — к низшей варне слуг.

¹⁵ Картина — месяц древнеиндийского календаря, соответствует октябрю-ноябрю.

солнечные диски, звездочки, фигурки птиц и зверей... Каждая монета весила не меньше каршапаны¹⁶.

Он давно все подсчитал: две монеты отдаст матери, остальные потратит на подарок отцу своей избранницы — купит пару коров. Эти деньги не бог весть какое богатство, но пусть односельчане невесты знают, что парень он работающий, а значит, в семье будет достаток.

При мыслях о невесте — прекрасной Винате, с которой он познакомился в деревне брахманов — гонд покраснел. Увидев ее в начале лета на празднике Бхутаматр, который ежегодно устраивается в честь Матери духов, он потерял голову. Она ответила ему взаимностью. Ее милое лицо стояло перед глазами, когда он обдирал колени, ползая по скалам Калаубала, когда, свернувшись калачиком под пальмовыми листьями в шалаше, пережидал ливень.

Иногда он просыпался ночью, давая волю сладкой истоме, сжимающей сердце.

«Вината...»

Ну и пусть, что «Законы Ману» запрещают брахману отдавать дочь замуж за шудру! Когда, не выдержав разлуки с любимым, Вината прибежала на полянку, они договорились о браке гандхарва, при котором жених и невеста не спрашивают разрешения у родителей, а просто объявляют в деревне о скорой свадьбе.

Оба наивно полагали, что рано или поздно родители смирятся с выбором дочери, так как гонд исповедовал джайнизм, а вишнуитам разрешено сочетаться браком с джайнами.

Гонд перебирал в уме возможные препятствия — и не видел их. Они не являются родственниками. Ему восемнадцать — так что он старше невесты, как и положено. Не страдает ни одним из четырнадцати видов мужской слабости — еще чего! К тому

---

¹⁶ Каршапана — 1) древнеиндийская мера веса в 3,3 грамма; 2) пана, маленькая индийская медная монета, равная по ценности 80 раковинам каури.

же не горбатый, не коротышка, не болен чахоткой, не подвержен геморрою или падучей, на плохое пищеварение не жалуется. Среди его родственников нет больных черной или белой проказой. Увечий нет, шрам на икре, оставшийся после прижигания ранки от укуса змеи, не в счет.

Посмотрев на руки, он довольно улыбнулся: особой волосатостью, порицаемой брахманами, боги его не отметили. Так что потомство будет что надо, а это самое главное в браке.

Меньше чем через год Винате исполнится пятнадцать, и по закону она сама сможет выбрать мужа. К этому времени нужно построить собственный дом рядом с хижинной матери. Иначе где он расстелет шкуру рыжего быка, посыпав ее ритуальной травой балбаджа, чтобы усесться с молодой женой для совместного принесения жертвы отцу всех богов Праджапати.

Мысленно гонд отправился в светлое будущее.

Скоро, совсем скоро на свадебной церемонии он возьмет Винату за руку и поведет вокруг статуи бога Агни, дарующего молодоженам надежный, крепкий союз. Отец невесты намажет им лоб ладанным маслом, после чего они возьмутся за руки и взойдут на каменный жернов, покрытый горками риса. Сделают семь шажков, произнося молитву в честь бога Вишну, а жрец окропит невесту освященной водой.

Пусть обряд пройдет согласно обычаям вишнуитов, а не джайнов, ради Винаты он готов на все. Даже пойти в обучение к брахману, чтобы получить священный шнур и стать «дваждырожденным».

«Ну и что, что переросток!»

Влюбленный в запальчивости отметал одно препятствие за другим, ему казалось, что все преодолимо. Вдруг он погрузился — никто не возьмет в ученики шудру. Что же делать? Можно стать царским слугой, например, вступить в гильдию строителей колесниц. У него будет высокое положение в обществе, но семье придется скитаться вместе с армейским обозом.

«Нет, такая жизнь не для Винаты!»

Или бродячим бардом, они тоже пользуются уважением. Так боги не наградили его ни слухом, ни сильным голосом!

Гонд взял себя в руки.

«Ай, да ладно, как-нибудь устроится», — подумал он отчаянно и снова размышлял...

Три вечера подряд после свадьбы они будут любоваться на Полярную звезду, не позволяя себе никаких вольностей, чтобы в их сердцах укрепилась взаимная верность, а демоны покинули жилище влюбленных, не причинив вреда.

Наконец на четвертую ночь супруги приступят к обряду гарбхадханы — правильного зачатия. Прежде чем возлечь с молодой женой, он капнет ей в ноздрю сок баньянового дерева и предложит миску простокваши, куда предварительно бросит пару бобов и ячменное зерно — тогда их первенцем станет мальчик. Обязательно помолится богу Пушану, чтобы извержение семени привело к зачатию. Вината умастит ему глаза благовонием, а затем...

Тут гонд очнулся от приятных мыслей и насторожился. Среди пения птиц и шелеста листвы появились посторонние звуки. О Савитар, животворная сила солнца, спаси и сохрани! Неужели я потревожил якш? По спине, несмотря на жару, пробежал холодок. Прислушавшись, он отчетливо различил скрип колес, топот ног, всхрапывания лошадей. А еще приглушенные голоса... Нет, это звуки из мира живых. Значит, где-то впереди пролегал лесная тропа.

Закинув торбу за спину, он осторожно двинулся на шум. Крэдучись добрался до упавшего ствола талипата, поросшего мхом и крошечными орхидеями. Прячась за него, уставился в просвет между листьями папоротника.

По дороге друг за другом брели оборванные грязные люди с колодками на шее. Конвоиры лениво развалились в седлах: одни обмотали голову и лицо платком, чтобы защититься от

мошкары, другие — в войлочных колпаках с башлыком — обмахивались ветками.

Так и есть — ассакены! Сразу видно по вооружению и доспехам: кожаные штаны, кафтан с нашитыми спереди бронзовыми бляхами, пика, за спиной маленький круглый щит, у пояса деревянный колчан.

Изнемогающие от палящего солнца кони с жадностью косились на сочную траву в шаге от тропы. Изредка то один, то другой всадник натягивал узду, тогда бронзовые псалии еле слышно позвякивали.

Внезапно раздался гортанный крик.

Рабы, успевшие за долгий путь выучить команды ассакенов, тут же с облегчением опустили на землю. Девушка, еще совсем подросток, в одной набедренной повязке и с бурдюком в руках, заспешила по тропе. На ее спине краснели рубцы от свежих ударов плетью. Испуганно косясь на конвоиров, она подходила к каждому из пленников по очереди, давая выпить несколько глотков воды. Другая рабыня — немолодая, с большой обвислой грудью — повторила путь первой, раздавая несчастным бананы.

Гонд бросился на землю, опасаясь, что его заметят воины, но потом осторожно выглянул из-за талипата. В нескольких шагах от него на земле сидел мужчина.

Раб устало свесил голову, насколько позволяли колодки, при этом черные волосы спутанными волнистыми прядями закрывали лицо. Поражала его худоба: выступающие ребра казались прутьями корзины. Он то и дело хлопал себя по плечам и бедрам, прогоняя назойливую мошкару.

Гонд вынул из котомки ячменную лепешку. Затем медленно двинулся вдоль ствола, стараясь производить как можно меньше шума.

— Эй, — тихо позвал он мужчину.

Тот вздрогнул, поднял голову и замер, не решаясь смотреть по сторонам.

— Не оборачивайся, просто протяни руку к папоротнику.
Раб не шевелился.

Гонд от досады закусил губу: что — вот так все бросить и уйти? Если не понимает язык гонди, обращаться к нему на пайшачи не имеет смысла. Он лихорадочно думал. Кожа у пленника светлая, значит, явно не наг¹⁷. Но точно не арий — ария рабом никто не сделает. Может, яван¹⁸?

Тогда он повторил по-гречески: в Бхарукачче, куда часто заходили корабли эллинов, все плотники знали этот язык.

Раб медленно провел рукой по земле в сторону зелени.

«Ага, все-таки яван!»

Отломив от лепешки кусок, гонд осторожно вложил его в протянутую ладонь. Мужчина молниеносно сунул хлеб в рот. Остальные куски съел так же быстро.

Разговаривали шепотом.

— Откуда вы идете?

— Из Шурпараки.

— Как тебя схватили?

— Я матрос с греческого корабля. Плыли из Барбарикона в Музирис¹⁹. В Шурпараке капитан решил запастись свежей питьевой водой. Только пришвартовались, как в порт ворвалась банда ассакенов... Откуда взялись, никто не понял. Наверное, обошли посты андхров²⁰ через джунгли... Не успевшие отчалить корабли они сожгли, матросов заставили погрузить мешки с бирюзой и лазуритом на телеги... Всех погнали в Бхарукаччу.

---

¹⁷ Нагами, то есть змеями, захватившие Индию арии называли коренных жителей, которые разговаривали на языке пайшачи.

¹⁸ Яванами индийцы называли греко-бактрийцев.

¹⁹ Барбарикон — Бхарукачча, древний морской порт, который находился в устье Инда в районе современного города Карачи; Музирис — главный порт Лимирики, региона, расположенного в юго-западной части Деканского плоскогорья. Точная локализация обоих портов до сих пор не установлена.

²⁰ Андхры — жители царства Андхра, занимавшего в первом веке нашей эры значительную часть плоскогорья Декан, в котором правила династия Сатаваханов.

— Как тебя зовут?

— Иешуа. А тебя?

— Бхимадаса. Ты яван?

— Нет, иудей.

— Плохо дело. Бхарукачча — крупный порт, там всегда требуются гребцы... Но они долго не живут.

Сквозь листву гонд видел, как раб перестал жевать и снова понурил голову. Тогда он азартно спросил:

— Сбежать сможешь?

— Как? В колодках...

Внезапно рядом послышался злой хриплый голос. Одноглазый ассакен, заметив, что сидящий возле упавшего дерева раб что-то бормочет, решил проверить, не спятил ли тот по дороге. Подойдя вплотную к иудею, он наклонился, вглядываясь в лицо.

Пленник смотрел исподлобья. Прорывав степное ругательство, воин замахнулся камчой, но вдруг передумал и опустил руку. Он удивленно тарачился на раба единственным глазом, не понимая, отчего вдруг прошла злость, а потом начал озираться по сторонам, словно ища поддержки у товарищей.

И тут заметил гонда. От буравящего волчьего взгляда Бхимадаса похолодел. Он не стал дожидаться, когда его поднимут на пики, и бросился прочь. Несколько пущенных наугад стрел с мерзким чмоканьем вонзились в деревья, мимо которых он несся, распугивая птиц, белок и бурундуков.

Бхимадаса продирался сквозь бурелом, не разбирая дороги. Какие змеи! Какие пауки и многоножки! Сзади угрожает опасность пострашнее. От укуса гадюки есть противоядие, а кому известно лекарство от пробившей легкой стрелы или удара мечом в живот.

Он остановился, прислушался. Тихо, сквозь чащу никто не ломится. Вытерев пот со лба, подождал, пока в груди замерли глухие толчки. Несколько раз глубоко вздохнул, огляделся.

На ветках деревьев сутились маленькие зеленые попугаи. С лианы на лиану резво перескакивали черные мартышки с шапкой

золотисто-коричневой шерсти на голове. Пятнистая вертишейка, прыгающая по земле вокруг термитника, взъерошила перья и зашипела на него словно змея. Среди бамбуковых побегов мелькнул бурым оперением кукаль, держа в клюве ящерицу.

Лес жил обычной жизнью. Привычные звуки и запахи успокаивали гонда, вселяли уверенность, придавали сил. Вздыхнув с облегчением, Бхимадаса поправил рупан, затем двинулся в сторону Нармады, думая о неожиданной встрече: «Хм... Иешуа. Странное имя».

ГЛАВА 1

Бхарукачча, Капиша, Шурпарака,
84-й год эры Викрама, месяц магха²¹

1

Когда сидящий перед Иешуа гребец тянул весло на себя, его лопатки сходились. Он приподнимал подбородок и вжимал шею в плечи, отчего под затылком собирались белые от соли морщины. А когда толкал рукоятку вперед, ребра можно было пересчитать. Казалось, еще немного, и кожа лопнет, не выдержав напряжения, словно гнилая ткань.

Жалкое зрелище, так еще и ладони обмотаны грязными тряпками, которые от засохшей крови стали похожи на куски коры.

Грязная спина товарища — вот и все, что иудей мог видеть, ворочая целыми днями весло на одномачтовой коландии²². Вот

---

²¹ Ма г х а — месяц древнеиндийского календаря, который соответствует январю-февралю, считался межсезоньем, то есть временем таяния снегов и ночных заморозков.

²² Ко л а н д и я — древнеиндийский весельный корабль с килем из выдолбленного бревна, к которому крепились доски обшивки. Судно могло также ходить под парусами, для этого на палубе устанавливалась одна или несколько мачт.

уже два месяца. Другие гребцы выглядели не лучше: худые, исполосованные плетью тела, гримаса страдания на лицах...

Свинцовая пластинка величиной с ладонь оставалась единственной памятью, связывавшей его с прошлой жизнью. Когда в Хайберском ущелье караван Бен-Циона попал в засаду, разбойник хотел сорвать ее. Но кожаный шнур выдержал рывок. Не желая возиться с бесполезным куском металла, бактриец плюнул и отошел в сторону.

Семь лет спустя Иешуа снова попал в плен, теперь уже к асакенам. Один из них, осмотрев амулет, скривил губы: пусть раб носит, если хочет. Иногда он брал ее в ладонь, подносил к глазам и шевелил губами, произнося давно заученный текст...

Судну требовался ремонт. Тиковые доски скреплялись веревками из кокосового волокна. Они хоть и не впитывали соленую морскую воду, но успели размочалиться от постоянного трения, вызванного качкой. Да и бортовые швы нужно было заново промазать смесью извести и древесной смолы.

Вода просачивалась в трюм через щели в обшивке, пазы для тросов и весельные порты. Стекала ручейками под ноги, где булькала вонючей теплой жижей. За день собиралось столько, что иногда гребцы сидели в ней по пояс. На стоянке, вместо того чтобы отдыхать, они полночи вычерпывали грязь кожаными ведрами. В трюме стоял смрад от шпаклевки, немых тел и застоявшейся мочи.

Как только асакены заняли Бхарукаччу, большая часть портовых плотников разбежалась кто куда, лишь бы не работать на варваров: шудра может заслужить благородное происхождение в следующей жизни, только прислуживая высшим варнам²³.

Оккупантам теперь приходится самим латать большие морские коландии, в чем они не особенно преуспели. А как иначе?

---

²³ Варны — четыре основных сословия в Древней Индии, из которых три считаются благородными: брахманы, кшатрии и вайшьи, а четвертое — шудры — низким.

Без флота не обойтись: андхры так и норовят увести греческие галеры и финикийские униремы у них из-под носа, стоит кораблям обогнуть полуостров Саураштра.

Пираты не давали передохнуть.

День и ночь сновали на сангарах²⁴ вдоль берега, высматривая добычу. Двойные лодки из обтянутых промасленными шкурами сучьев юркие и легкие. На таких не выйдешь в открытое море при волнении, но шарить по бухтам — в самый раз.

Подходит купец к мелководью, чтобы набрать пресной воды, долго и внимательно изучает берег — вроде чисто, лишь белый песок да стена зелени. Но только бросит за борт якорь, как из мангровых зарослей вылетают сангары.

Пираты вмиг облепят корабль, полетят на борт абордажные крючья, зашелестят стрелы. Саранчой ползет на палубу разъяренная толпа. Сопротивляться бесполезно — вырежут.

Купец может спасти груз лишь в одном случае: если будет на чеку и сразу рванет на глубину. Где океан дышит большими бирюзовыми волнами и куда не сунутся андхры на своих утлых лодках.

Одноглазый сотник Скилур боялся открытого моря. Он не умел плавать, поэтому каждый раз, когда коландия удалялась от берега, забирался под палубный навес, чтобы в тени накачаться пойлом, которое ассакены гонят из конского молока. Затем спускался в трюм, чтобы приступить к любимому занятию — издевательствам над гребцами.

Даже сейчас, хотя корабль рассекал не морские просторы, а спокойную гладь залива, покрытого отмелями, Скилур надрался. Он скатился по лестнице на дно выдолбленного ствола, служившего килем, потеснив воина, который отбивал ритм на барабане.

Коренастая фигура заслонила скудный свет, проникающий в трюм через палубный люк, отчего сумрак сделался гуще. Единственный глаз сотника горел угрюмой ненавистью.

---

²⁴ Сангар — катамаран.

— Эй ты, обезьяна, сын портовой шлюхи, — заорал он на сидящего впереди Иешуа гребца, северянина из племени панчалов. — Руки нарочно себе раскровянил, хвост хорька, чтобы я тебя на берег отправил? Там тебе легче не будет, потому что заставлю бревна таскать вместо слона.

Не дождавшись ответа — как будто раб осмелится ему ответить, — он сделал несколько шагов и резко махнул камчой. Панчал скривился от боли, сдавленно застонал. Громко нельзя, иначе сотник врежет еще раз. Он родился в семье кожевенника, то есть принадлежал к касте «неприкасаемых», а значит, с детства привык к грубому обращению. Скилур знал об этом, поэтому измывался над ним больше, чем над остальными рабами.

Сотник двинулся между гребцами, хлюпая сапогами по мутной жиже. Еще одного огрел камчой, другому сунул рукояткой в лицо. Стиснув зубы, рабы терпели боль и унижение, чтобы не сбиться с ритма, иначе порке подвергнется вся команда. Хотя у каждого сердце замерло в груди, ведь не угадаешь, кого в следующий раз ударит мореход: гребцы сидят лицом к корме и не видят, что происходит у них за спиной.

Сверху раздался крик. Удары барабана замедлились, потом и вовсе прекратились. Это означало, что показалась отмель или устье реки, но в любом случае кораблю предстоит маневр. Начинается работа рулевых, теперь гребцы будут ждать команду снова братья за весла.

Рабы опустили руки, сгорбились, тяжело дыша.

Они были связаны попарно веревкой, обмотанной вокруг шеи. Коландия делала частые остановки, чтобы погрузить запасы из береговых складов: кокосовое и пальмовое волокно, слоновую кость, зерно... Каждый раз им приходилось переносить с берега на палубу тяжелые мешки и корзины, а то и чинить изгородь или оттаскивать упавшие на факторию деревья. Путы не должны сковывать движения раба во время работы, поэтому тяжелая железная цепь тут не годится.

Скилур вернулся к лестнице и неуклюже полез наверх. Между ног Иешуа пробежала крыса, затем еще одна, за ней другая — грызуны почуяли землю. Гребцы их не трогают, бывает, что и пайкой делятся. Крыса — это запас пищи. Рабов кормят фруктами: бананами, манго, яблоками джамбу, иногда они сами собирают кокосовые орехи. Но на такой еде долго не протянешь, так что им приходится самим готовить себе жаркое... из крыс.

Внезапно доски закрипели под тяжестью бегущих людей. Кажется, ассакены, сидевшие под навесом во время плавания, разом вскочили и бросились к бортам.

И вдруг раздался стук — дробный, словно по кораблю заколотили палками. Стрелы! Рабы взволнованно переглядывались: все знали, что, если судно захватят андхры, у гребцов появится надежда на спасение.

Схватив горит²⁵, барабанщик бросился на палубу. Внезапно один из кожаных портов пробил обмотанная горячей паклей стрела. Сидящий ближе всех гребец начал лихорадочно брызгать на нее жижей из-под ног. Пакля погасла, но к вонючей стоячей воде прибавился запах дыма — зажигательные стрелы сделали свое дело.

Трюм наполнился криками ужаса. Рабы вскочили с банок. Толкаясь, ринулись к лестнице.

Сохранившее скорость судно двигалось к устью реки, обрамленному дикими зарослями. Казалось, мангры прячут над поверхностью воды, едва касаясь ее серыми корнями. Лишь кое-где виднелись глиняные островки с побегами папоротника.

Иудей и панчал выбрались на палубу последними. Иешуа затравленно осмотрелся: на судне царит хаос, в дыму мечутся люди.

Ассакены яростно отстреливались. На волнах качались сангары, набитые андхрами. Одни из них яростно размахивали копьями, другие пускали стрелы. Огонь дожирал остатки паруса, подбираясь

---

²⁵ Горит — скифский деревянный колчан прямоугольной формы для хранения лука. Стрелы находились в специальном отделении на боковой стороне горита.

к реке. В воздухе вихрились искры, черные хлопья. Мачта походила на пылающее дерево, хотя еще держалась на штагах.

Вспыхнула груда просмоленных канатов на корме. Палубу накрыл черный дым, стало трудно дышать. Гребцы парами бросались в воду, надеясь добраться до берега.

Вот один прыгнул за борт, а второй не успел, рухнул на палубу, из бедра торчит стрела. Веревка тащит его по доскам, тело врезалось в борт, он руками схватился за петлю, хрипит. Товарищ повис над волнами, беспомощно сучит ногами. Погибли оба — от удушья.

Андхры колотили плывущих людей по головам веслами и шестами, не разбирая, кто раб, кто воин.

«Носовая мачта! — мелькнула спасительная мысль. — Она загорится в последнюю очередь».

Иешуа дернул за веревку, чтобы панчал посмотрел на него, затем бросился к носу судна, чувствуя на плече руку товарища. Вот среди дымных клубов мелькнуло косое бревно.

«Когда коландия уткнется в берег, мы спрыгнем на мелководе и спрячемся в кустах — это единственный шанс спастись», — отчаянно думал иудей.

Внезапно судно тряхнуло так, что люди повалились с ног. Ящики и корзины разметало по палубе. Над Иешуа гигантской плетью пронесся горящий обрывок каната, едва не задев голову.

Зловещий шепот стрел, пылающие снасти, клубы дыма и крики раненых — промедление в этом аду было подобно смерти.

Беглецы залезли на бревно, обхватив его руками и ногами. Дым ел глаза, черные от сажи ладони скользили по дереву, но оба медленно ползли к краю.

Вдруг сзади раздался крик. Иешуа оглянулся — из шеи панчала торчала стрела, а сам он замер с выпученными глазами, давясь кровью. Еще через секунду пальцы разжались, и он рухнул вниз, увлекая за собой иудея.

Мгновение свободного полета закончилось болезненным ударом о воду. Иешуа на миг потерял способность соображать.

Сквозь мутную желтоватую пелену он отрешенно смотрел на водоросли, снующих рыб, мертвого товарища, опускавшегося вместе с ним на дно.

Пока не почувствовал, что сейчас задохнется.

Внезапно наступившая тишина быстро вернула ему самообладание. Оттолкнувшись от грунта ногами, он устремился вверх. Но едва сделал вдох, как рывок веревки заставил его уйти под воду.

Снова оказавшись на дне, Иешуа подтянул труп, толкнул его к поверхности моря и уже затем, делая маховые движения, вырвался на воздух.

Когда-то, проведя несколько дней с отцом на озере Ям-Киннерет²⁶, он научился плавать. Теперь тело легко вспомнило навыки, словно и не было этих двадцати лет.

Иешуа завертел головой по сторонам. Мимо проскользила стайка полосатых морских змей. Побоище продолжалось: андхры топили спрыгнувших с корабля асакенов и гребцов. Объятая пламенем коландия наполовину затонула.

Обхватив тело панчала, иудей поплыл к берегу. Вот и спасительные мангры. Он из последних сил взобрался на кочку, вытянув за собой мертвеца. Измазанные илом смуглые тела сливались с землей.

Внезапно один из сангаров направился к берегу. Иешуа запамятовал: в кустах спрятаться не удастся, потому что затащить туда труп у него нет сил. Разрезать канат нечем... Что делать?

Он сполз в воду, перевалил мертвеца на себя и замер. Из-под руки панчала наблюдал, как сангар медленно проплывает вдоль берега.

«Лишь бы нас не почуяли крокодилы!»

Андхры свирепо вглядывались в джунгли, пытаясь уловить малейшее движение. На двух утопленников они не обратили

---

²⁶ Я м - К и н н е р е т — озеро Киннерет, Галилейское море, Геннисаретское озеро, современное Тивериадское озеро в Израиле.

внимания. Когда лодка скрылась из виду, Иешуа вылез на берег. Долго лежал, отдыхая, а на закате, обессиленный, заснул...

Утром он очнулся от оглушительного птичьего гомона. Сел, осмотрелся. Во все стороны брызнули лупоглазые илистые прыгуны. Искусанное москитами тело сильно чесалось.

Над панчалом роились мухи, по лицу ползали рачки. Отлив обнажил широкую полосу ила, а море теперь плескалось в десяти локтях от того места, где находился беглец.

Коландия пропала: скорее всего, она полностью сгорела. Дно было усеяно корабельным мусором, раковинами моллюсков и известковыми трубками морских червей.

В воде лицом вниз лежал ассакен с проломленной головой. Волны покачивали тело, отчего казалось, будто степняк из последних сил продолжает ползти на берег. Чтобы дотянуться до него, пришлось подтащить к себе панчала.

«Хорошая компания, — с мрачной иронией подумал Иешуа, — из троих двое — мертвецы».

За голенищем сапога нашелся нож с деревянной ручкой. Тогда иудей оттянул канат рукой и начал его пилить. Отбросив с отвращением обрезок, побрел к кустарнику.

Джунгли сомкнулись за ним непроницаемой стеной, а начавшийся вскоре прилив навсегда стер следы беглеца на мокрой глине. Прежняя рабская жизнь осталась на Малабарском побережье вместе с головешками сгоревшей коландии и телами погибших при abordage людей.

2

Бхимадаса с удовольствием опустился на траву.

Поджав под себя ноги, потянулся к узелку с едой, в котором лежали несколько пшеничных лепешек, комок масла гхи, сильно

наперченные рисовые шарики с кунжутом и рубленным чесноком, пригоршня жареной саранчи, а также спелое, источающее сладкий аромат манго.

Вместе с другими кармакарами²⁷ он уже неделю расчищал делянку правителя области в лесу напротив Бхарукаччи, на противоположном берегу Нармады. С помощью буйволов шестеро поденщиков валили подрубленные салы и тики, отсекали сучья, после чего оттаскивали бревна к реке. С началом дождей она разбухнет, так что можно будет сплавить заготовленный лес в порт.

Артельщики расселись вокруг котелка с чечевичной похлебкой, по очереди зачерпывая густое варево куском лепешки.

Буйволы меланхолично пряли ушами и обмахивались хвостами в тени огромного баньяна, в то время как по их спинам расхаживали желтоклювые скворцы, склевывая блох и оводов. Сквозь ветви деревьев пробивался солнечный свет.

Гонд поднял ко рту тыкву-горлянку с молочной сывороткой. Стайка макак на соседнем сале при этом движении встрепенулась. Когда падало очередное дерево, обезьяны с криками убежали в чащу, но потом возвращались, понимая, что там, где люди, всегда можно чем-нибудь поживиться. Вот и сейчас они провозжали каждый кусок, который поденщики подносили ко рту, с ревнивым сожалением.

— Нам бы пара слонов точно не помешала, — прожевывая кусок курицы заметил худой как скелет старик с синей бородой.

— Размечтался, — откликнулся другой кармакара, такой же тощий, но ниже ростом и молодой. — Мы же не в царском лесу деревья валим. Да тут и слону-то не протиснуться, смотри, сколько вокруг колючих кустарников.

— Что ты про них знаешь, Видура, — назидательно проворчал синебородый, вроде бы обращаясь к молодому сотрапезнику,

---

²⁷ Кармакара — поденщик, наемный работник.

но не глядя на него — слишком увлекся похлебкой. — Им любые кустарники нипочем, хоть зизифус, хоть акация. Слон по лесу идет плавно, мягко, как коландия по воде. Таковую мелочь, как колючки, даже не замечает. Даром, что ли, щиты слоновьей кожей обтягивают?

Видура крякнул от обиды, но промолчал: ввязываться в перепалку со знающим человеком — себе дороже, товарищи враз поднимут на смех. Все в артели знали, что Пандава раньше служил махаутом²⁸.

Старика было уже не остановить. Он облизал пальцы и мечтательно посмотрел вверх, вспоминая прежнюю сытую жизнь. Затем начал рассказывать спокойно, неторопливо и обстоятельно, словно брахман на проповеди.

— Все слоны, как прирученные, так и катхи²⁹, принадлежат махарадже³⁰ — наместнику Индры на земле. К примеру, Белый слон — это одна из «Семи жемчужин», которые являются символом Правителя вселенной³¹. Для содержания катхи требуется хороший лес, очищенный от спутанных зарослей, где растут высокие мощные деревья, чтобы слоны могли о них чесаться. Там обязательно должен быть водопой: озеро или река... ручей с водопадом тоже подойдет, потому что слоны любят купаться. Лесные сторожа должны знать границы заповедника, а также входы и выходы как свои пять пальцев...

Кармакары переглянулись. Не иначе сам повелитель демонов Равана дернул Видуру за язык: Пандаве дай только повод — он готов в сотый раз талдычить одно и то же про содержание слонов.

---

²⁸ Махаут — член касты погонщиков слонов, которые выполняли различные обязанности, связанные с содержанием слонов, в том числе работали лесными сторожами.

²⁹ Катхи — дикий слон.

³⁰ Махараджа — верховный правитель, царь.

³¹ Правитель вселенной — почетный титул махараджи.

Бывший погонщик происходил из племени пулиндов, рожденных следопытов, которые, в отличие от панчалов с равнины Ганги, чувствуют себя в лесу как дома. Вот сейчас он начнет рассказывать про то, как лично подстрелил из лука браконьера в царских владениях.

— Так вот... Однажды смотрю — следы на земле чужие, где их быть не должно, потому что в этой части леса только я хожу. Я как раз намазался слоновьим калом, чтобы меня обезьяны не почувляли, пока я примечаю места ночевки катхи, — а то шум поднимут, — пояснил он, при этом товарищи, слышавшие эту историю много раз, закатили глаза. — Ну, на всякий случай нарвал еще веток вонючей бхаллатаки³², накрылся ими и крадусь по джунглям... Вдруг слышу мощный рев: катхи так от страха кричат. Я иду на шум, смотрю — яма, из нее хобот торчит, а рядом охотник вертится. Похоже, катхи старый, его молодой соперник из стада прогнал, вот он бродил один по лесу и попал в засаду. Охотник сжал копьё двумя руками и примеривается ударить сильнее слона в глаз. Я сразу выстрелил — попал в убудка, но не убил. Он копьё бросил, схватился за раненое бедро, а потом как припустит через заросли... Я его преследовать не стал — зачем? Мне только оставалось подождать, когда шпионы доложат, что в одной из окрестных деревень началась эпидемия бешенства. Тут ведь в чем хитрость: стрелы у меня особые — отравленные. Наконечники намазаны ядовитой смесью из толченых злаков хлопкового дерева шалмали, корней батата видари, перца и крови крысы чучундари. Раненый такой стрелой человек сходит с ума, начинает кусаться. Тот, кого он укусил, кусает других, так что за несколько дней все жители деревни превращаются в кровожадных упырей. Остается только окружить ее и всех перебить. Ничего, что страдают невинные люди, пусть их гибель

---

³² Б х а л л а т а к а — болотный орех.

послужит уроком для других, потому что уж больно соблазн велик — за бивни слона дают сорок семь медных монет.

Бхимадаса с интересом слушал старого махаута. Он впервые участвовал в лесоповале, и байки товарища по работе еще не успели ему надоесть. Другие поденщики сосредоточились на похлебке, так как прерывать Пандаву было не принято из уважения к его опыту и возрасту.

Рассказчик отвлекся от воспоминаний, чтобы сунуть лепешку в котелок.

— А с катхи что стало? — спросил Бхимадаса.

— Я позвал на помощь других сторожей, мы раскопали яму вширь, вот он и вылез наверх.

Старик заулыбался, вспоминая, как спас слона. Потом внимательно посмотрел на гонда, словно раздумывая, стоит ли продолжать дальше. Все-таки не удержался.

— Катхи меня отблагодарил.

— Как?

— Когда я сам попался. Попросил других сторожей выкопать ловушку для тигра. На краю ямы оказалась нора сумчатого барсука, которую я не заметил. Когда стал сверху ветки укладывать, провалился по колено и вдруг не удержался, рухнул вниз. Долго сидел в яме, день или два... Стенки у нее песчаные: не зацепишься, ступени не выраешь. Кричать бесполезно, потому что никто не услышит. Думал — все, конец мне настал: если не умру от жажды, так меня тигр сожрет, которого я хотел поймать... Утром проснулся, а сверху слоны смотрят. Постояли, пошевелили ушами и полезли в чащу. Немного времени прошло — треск в кустах. Над ямой снова показалась голова. И вдруг катхи из хобота прямо мне в лицо пустил струю воды. Это значит, он сходил к реке и вернулся, чтобы меня напоить. На следующий день опять пришел... Ну, я ожил. А потом меня сторожа нашли.

— Пандава, — подал голос Бхимадаса, — почему ты больше не махаут?

Поденщики перестали жевать и укоризненно уставились на гонда. Один из них ткнул его локтем в бок: мол, думай, что спрашиваешь.

— Что? — тот недоуменно переводил взгляд с одного лица на другое.

Синебородый вздохнул.

— Одного из слонов, которых я готовил для праздничного шествия, укусил в хобот радж самп³³. А дело было так: в углу загона прели старые листья фикуса, вот там, внутри кучи, мерзкая тварь и устроила гнездо. Когда слону насыпали свежих листьев, она заползла в охапку. Слон погиб, а меня обвинили в недосмотре за питомцем. Так как слон принадлежал царю, мне присудили отдать за него пять черных быков или заплатить штраф в тысячу пана. Откуда у меня столько денег? На суде я попытался оправдаться, но судья пригрозил пыткой. Тут уж я испугался: заставили бы выпить кунжутного масла и выставили на солнцепек или связанного бросили бы на всю ночь на колючую подстилку из травы балбаджа. Я согласился на штраф, мне еще повезло — могли и на кол посадить. Теперь вот горбачусь за миску риса, отработываю долг.

Пандава снова вздохнул.

— Уже три года лес валю, а не выплатил еще и половины...

У костра воцарилось тяжелое молчание.

Внезапно макаки оживились, заголосили, потом, перепрыгивая с ветки на ветку, перебрались на соседнее дерево. Послышался шум продиравшегося сквозь заросли животного. Перестав есть, артельщики испуганно покосились на кусты акации. Пандава потянулся рукой к лежащему рядом топору. Остальные начали испуганно озираться, соображая, куда бежать, если на поляну вдруг выскочит тигр.

---

³³ Радж самп — королевская кобра.

Но вот ветви кустарника раздвинулись и показался человек с длинными спутанными волосами и неряшливой бородой. Он был весь исцарапан, покрыт высохшей грязью, а на бедрах болтались обрывки каупины³⁴.

Сделав несколько шагов, бедняга вытянул перед собой руки, словно привлекая внимание людей, а затем рухнул на землю. Артельщики бросились к нему, подтащили к салу, прислонили спиной. Кто-то побрызгал в лицо водой.

Незнакомец открыл глаза. Увидев перед собой флягу, схватил ее и начал жадно пить.

— Ты кто, — спросил Пандава, — паривраджака?³⁵

Не отрывая фляги от рта, тот отрицательно замотал головой. Артельщики выжидали: по крайней мере он их понимает, значит, сейчас заговорит.

— Гребец, — напившись, хрипло ответил тот на пайшачи. — Коландию сожгли андхры. Я один спасся... Остальные погибли — и гребцы, и ассакены.

— Где это случилось? — снова спросил Пандава.

— Там... Большая вода, — не отрываясь от фляги, незнакомец махнул рукой на запад.

Артельщики переглянулись.

— Похоже, он про залив Кхамбат говорит, — сказал Видура. — Получается, отмахал не меньше трех йоджан³⁶.

— Ого! — удивленно заметил один из кармакар. — Целую неделю шел. Мы как раз столько здесь и работаем.

Бхимадаса метнулся к костру. Зачерпнув загустевшую похлебку лепешкой, положил сверху рисовый шарик, после чего протянул угощение незнакомцу. Тот с жадностью принялся засовывать еду

---

³⁴ Каупина — короткая набедренная повязка.

³⁵ Паривраджака — представитель одной из трех высших варн, который стал бродячим аскетом раньше положенного по традиции срока, то есть не достигнув пожилого возраста и не вырастив детей.

³⁶ Йоджана — древнеиндийская мера длины, приблизительно равная 15 км.

в рот руками, при этом глотал куски, почти не прожевывая. Потом улегся на траву, повернулся на бок и мгновенно уснул.

Кармакары с удивлением разглядывали спящего. Надо же, бедолага такой путь проделал через джунгли, а это не шутка: хищники, змеи, скорпионы — какой только гадости не встретишь в лесу. Ну, ладно, воду можно добыть, если знаешь как, но ведь надо еще охотиться. Без оружия или силка это безнадежное дело. А огонь? Сырое мясо есть — то еще удовольствие, можно с привычки и слевать. К тому же ночи прохладные, зима все-таки, а он почти без одежды.

Пандава молча показал товарищам на его руки: под грязной кожей змеятся вздутые вены, ладони покрыты трещинами и мозолями, ногти обломаны — последствия долгой изнуряющей работы на веслах.

Те закивали головами: не имеет смысла расспрашивать чужака ни про варну, ни про джати³⁷, все и так понятно. Ария рабом никто и никогда не сделает. Значит — млечча³⁸.

Бхимадаса вглядывался в его лицо, в котором читалось что-то неуловимо знакомое.

«Да ладно, — подумал он, — не может быть, откуда мне его знать».

А все же? Гонд обладал хорошей памятью на лица.

«Определенно, я где-то видел этого человека».

К вечеру незнакомец пришел в себя. Тихо сидел в тени дерева, ожидая, пока артельщики закончат работу. На закате все снова собрались возле костра.

— Откуда ты? — на всякий случай спросил Пандава. — Ты ведь не из наших, не из пулиндов. Северянин — вагурик или панчал? А может, южанин — шабар?

---

³⁷ Дж а т и — каста, группа людей, связанных единством наследственной профессии.

³⁸ М л е ч ч а — букв. «варвар», чужестранец, так арии называли не только чужеземцев, но и всех местных жителей-неариев.

— Иудей.

Поденщики удивились.

— Это что за народ?

— Я родился в Палестине, недалеко от Средиземного моря. По-нашему — Ям-Ахарон, то есть Западное море. Это далеко отсюда. Сначала нужно преодолеть Хиндукух, потом пройти всю Парфию, подняться по Прату до Эвропоса, пересечь пустыню Эш-Шам, ну а там уже рукой подать...

Артельщики ничего не поняли из объяснений чужака. Они удивленно переглядывались, словно ждали, что кто-то из них скажет: «А, ну точно, я знаю, где это».

Но все молчали.

— Как ты оказался в Бхаратаварше?³⁹ — спросил Пандава.

— Долгая история...

— Я тебя знаю! — неожиданно прервал иудея Бхимадаса. — Ты Иешуа. Вас зимой ассакены из Шурпараки вели в Бхарукаччу, а я домой возвращался... Еще лепешкой тебя кормил — помнишь?

— Да, — иудей радостно вскинул на него глаза. — Так они тебя не догнали!

Мужчины обнялись, хлопая друг друга по плечам.

— А потом что было? — спросил Видура.

— Посадили гребцом на коландию. Неделю назад в устье Нармады ее сожгли андхры. Думаю, что кроме меня не выжил никто.

Иудей опустил голову.

Пандава сокрушенно протянул:

— Ну дела...

Прежде чем улечься спать, артельщики решали, что делать с незваным гостем. Лишняя пара рук, конечно, не помешает, но под силу ли ему тяжелый труд? Они с сомнением косились на него — уж больно тощ и изможден.

---

³⁹ Б х а р а т а в а р ш а — страна Бхарат, одно из древних названий Индии, сохранившееся в Конституции страны.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1.....	16
ГЛАВА 2	55
ГЛАВА 3	97
ГЛАВА 4	135
ГЛАВА 5	170
ГЛАВА 6	208
ГЛАВА 7	245
ГЛАВА 8	280
ГЛАВА 9.....	311
ЭПИЛОГ.....	347

Литературно-художественное издание

Сергей Суханов

ТЕНЬ ХИМАВАТА

Роман

На обложке использованы иллюстрации: R. M. Nunes / shutterstock.com
Используется по лицензии от shutterstock.com

Редактор Б. Геласимов
Корректор А. Калинин
Компьютерная верстка Е. Климентьева
Художник А. Геласимова

Подписано в печать 10.07.2020. Формат 60×90/16

Печ. л. 23. Гарнитура «Alegreya».

Тираж 1000 экз. Заказ

«Издательский дом „Городец“»
105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, к. 1
www.gorodets.ru, e-mail: info@gorodets.ru
тел.: +7 (985) 8000 366

Сергей Суханов родился в г. Потсдаме, ГДР. Выпускник Санкт-Петербургского государственного университета. Филолог-скандинавист, журналист. Переводчик с английского и шведского языков. Член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Автор романа «За рекой Гозан», вышедшего в серии «Ковчег». Отец двух замечательных дочек.

Про упорного человека говорят, что он может горы свернуть. Все три главных героя романа отличаются завидным упорством в достижении поставленной перед собой цели.

Для македонянина Гермея важно вернуть Северную Индию элинам. Захватчики-саки коварны, ненавидят чужую культуру, поэтому безжалостны к жителям столицы. Но именно эти качества способствуют неожиданной развязке, а Гермей находит под стенами осажденной крепости любовь.

Индиец Бхима готов изменить вере и покинуть материнский дом ради брахманки Винаты. Вскоре он становится профессиональным воином — кшатрием. Неужели последние преграды на пути к счастливому браку с избранницей рухнули? Однако влюбленным предстоит пройти через серьезные испытания.

Иудей Иешуа не раз смотрел смерти в лицо, был рабом, поденщиком, жил среди аскетов, терпел лишения. В награду за упорство он обретает бесценные знания и навыки, которые помогают ему найти священные реликвии иудеев — Ковчег Завета и могилу Моисея. Но ему придется принять неожиданное решение. Иешуа понимает, что это только начало Пути.

Древняя Индия встречает читателя буйной природой, сложными до странности, часто зловещими ритуалами, завораживает красотой храмов и дворцов, делает участником невероятных событий, от которых захватывает дух. Война, кровь, любовь и колорит Древнего Востока — все это есть в романе. А еще магия — куда же без нее.

www.gorodets.ru

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ГОРОДЕЦ

ISBN: 978-5-907085-87-9

9 785907 085879

